

Библиотекарша направилась обратно к лестнице. Она высоко подняла фонарь, словно хотела показать Нику, что впереди его ждёт много ступеней, и превратилась в Перивинкла. В то же время его одежда заполнилась, приняв более мужеподобную форму грубого мужика, который для достижения целей использовал свои мускулы. Внешность может быть обманчива, и в недавнем опыте Ника так было почти всегда.

— Может ли ваше устройство вернуть нас обратно? — спросил он.

— Нет, — ответил Перивинкл глубоким голосом. — Оно работает не так. Я могу повлиять на то, что ты видишь и слышишь, но не на то, как на тебя влияет гравитация.

— А вы не можете отрастить крылья и с их помощью унести нас отсюда?

Перивинкл улыбнулся так, что превратил нижнюю часть своего лица в лицо Библиотекарши. Теперь, когда он знал, что это была она, ему было легко видеть то, что скрывалось под этой маской.

— Я не смогу вырастить достаточно большие для полёта крылья, поскольку на этой лестничной клетке для них нет места.

Ник не ожидал такого прагматичного ответа. Он подтверждал, что она могла сделать это под открытым небом. Нику хотелось побольше узнать об устройстве на её запястье.

Ник поднял голову и посмотрел на ступени позади неё, освещённые фонарём. Его тело изнемогло от усталости при одной только мысли о том, какой долгий путь им предстояло пройти.

— Нет более лёгкого пути наверх?

— Боюсь, что нет, — сказала Библиотекарша, фонарь легонько покачивался в её руке. — Ты хочешь стать сильнее, так ведь? Это будет для тебя хорошим упражнением.

От любого другого он воспринял бы её слова как попытку высмеять какой-никакой прогресс, которого он добился в обретении физической формы, но Библиотекарша была серьёзна. Восхождение по лестнице было хорошим способом стать сильнее. Они начали подъём.

Его голова казалась странно пустой. Впервые за долгое время в ней не было попутчиков. Он мог сказать, в чём была разница: он чувствовал себя одиноким.

— Как вы думаете я поступил? — спросил он Перивинкла.

Наступила долгая пауза, прежде чем Перивинкл заговорил, используя голос Библиотекарши:

— Ты помнишь историю о пяти торговых принцах?

— Ту, что из вашей книги мифов и сказок? — спросил Ник.

— Из книги Винке Мунро, — поправила его Библиотекарша.

— Да, я помню. Хотите сказать, что ситуация похожа?

Эта история была простой аллегорией о торговце, конкурирующем с четырьмя другими, и о том, как они заключили договор, чтобы совместно управлять рынком к своей личной выгоде. Поскольку их пятёрка контролировала цены и не позволяла никому другому конкурировать с ними, было довольно легко сохранить поток денег и не дать клиентам другого выбора, кроме как принять их условия.

Они стали богатыми и жили жизнью мелких королевских особ, своего рода принцев.

Но первый принц, который и предложил создать ассоциацию, убедил трёх других объединиться и вытеснить четвёртого. Иметь одну четвёртую долю было лучше, чем одну пятую.

Жадность и стремление к выгоде заставили их сократить ряды, а затем выбить ещё одного, и ещё одного, пока не осталось только двое — первый принц и ещё один.

И, конечно же, они пошли друг против друга, пока не остался один. Им оказался не первый принц, который заявлял права на корону, потому что статус создателя мечты не даёт тебе права требовать её.

— Я хочу сказать, — продолжила Библиотекарша, — что причина, по которой люди соглашаются объединить усилия с людьми, которым они не доверяют, которые, как они знают, могут оставить их ни с чем, заключается в том, что они верят, что у них есть шанс стать победителем, а не жертвой. И они становятся. Если победить может только один из пяти, то только один и выигрывает, но кто именно?

— Тот, кто хочет этого больше всего? — спросил Ник.

— Возможно. Но я могу тебе сказать, кто не победит — тот, кто меньше всего этого хочет. Если ты оставишь своё преимущество лежать без дела, кто-то подберёт его и использует против тебя.

— Когда вы писали эти истории, — сказал Ник, — под именем Винке Мунро, вы хотели сделать предупреждение для других? Потому что я никогда не был до конца уверен, что вы пытались сказать.

— Я не пытался ничего сказать. Я записывал то, что видел в этом мире и во многих других. Знаешь ли ты, что существует мир, в котором разные народы не участвуют ни в войнах, ни в каких-либо других проявлениях насилия? Вместо этого, когда у них возникают споры из-за собственности, из-за земли, они устраивают забеги их вахари — высоких собакоподобных животных с длинными ногами и без шей. Их тренируют очень быстро бегать, почти настолько быстро, что их не видит глаз, и победителю без всяких склок отдают приз.

— Они отдают приз собаке?

Перивинкл фыркнул.

— Владелец победителя получает приз, и я уверен, что ты это понял, Николав. Вахари-победителя поджаривают и съедают на праздничном застолье.

— Это кажется немного несправедливым, — сказал Ник.

— Когда столь многое зависит от результата забегов, существует большой соблазн сжульничать, — сказала Библиотекарша. — Для повышения скорости вахари могут использовать различные наркотики, но все они очень токсичны для их владельцев. — Перивинкл посмотрело через плечо на Ника. Улыбка состояла из рта Перивинкла и зубов Библиотекарши.

Ник не улыбалось получить приглашение на какие-нибудь праздничные застолья.

— Создание дало мне доступ к этим знаниям и не указало, что с ними делать.

— Да, — сказал Перивинкл. — Я считаю, что решать тебе. — Он всё ещё говорил голосом Библиотекарши, что сбивало с толку. — Судьба твоего народа в твоих руках.

В такой формулировке это звучало нелепо. Это была не та задача, в которой он был компетентен. Никто не был, если так подумать.

— Мне трудно поверить, что кто-то из них искренне хочет, чтобы я что-то решал. Разве не они те самые люди, которые принимают такие решения?

— Иногда сделать выбор может только один человек, но хотят это сделать более одного. В таких случаях может быть проще позволить третьей, нейтральной стороне сделать выбор.

— Посмотреть, на чей зов откликается вахари? — спросил Ник. Вот что здесь на самом деле происходило?

— Это значит, что они нуждаются в тебе и готовы предоставить тебе достаточно свободы, чтобы её потеря могла быть использована. Если ты достаточно силён, чтобы противостоять влиянию Высшего Отца, ты сможешь проложить свой собственный путь.

— А что насчёт влияния создания? Оно, конечно же, хочет, чтобы я всё делал определённым образом.

— Я бы этому не удивился. Или оно может оставить тебя в покое, теперь, когда выбор сделан. Ты не можешь предсказать ходы игрока, если этот игрок не контролирует фигуры.

Это всё больше и больше походило на игру. Именно ей всё и было? Неимоверно могущественные сущности настолько утомились от вечности, что используют целые миры в качестве своих игровых полей? Он был мячом, который нужно пнуть несколько раз, чтобы переместить его в намеченном направлении.

— Значит, это важно, чтобы моя роль была отдана кому-то настолько наивному и бесхитроственному, насколько это возможно, чтобы их ходы совершались на пустой доске? И то, что я знаю, что они делают, не имеет значения?

— Не имеет, — сказал Перивинкл, его дыхание немного участилось, — но это всего лишь размышления, пока мы поднимаемся по этой бесконечной лестнице. — Голос снова был глубоким, а тон и осанка принадлежали Перивинклу.

Они достигли второй площадки и сделали перерыв, скорее ради Ника, хотя Библиотекарша тоже начала тяжело дышать. Похоже, ей нравится играть свою роль. Ник изо всех сил старался не отставать от темпа Библиотекарши, пытаюсь воспринимать это как упражнение. Теперь, когда они остановились, он чувствовал, что не сможет снова двигаться.

Перивинкл поднял фонарь, как будто тот мог показать их пункт назначения. Показал он лишь ещё больше ступеней.

— Я удивлён, что ты не спросил о своём отце, — сказал Перивинкл, глядя в сторону лестницы.

— Вы его... — Ник до сих тяжело дышал, и ему было трудно говорить. — Вы его знаете?

— Знаю только то, что он служил в армии и погиб при загадочных обстоятельствах. Я уверен, что это отразилось на твоём мышлении. Ты его сын, в конце концов. Создание могло показать тебе, как он умер.

— Да, — сказал Ник. Он встал прямо и вдохнул, восстанавливая свою способность дышать. — Я

это обдумывал. Я потратил много времени, пытаюсь что-то выяснить, и ничего не нашёл. Я думаю, правительство хочет сохранить тайну, и, зная наше правительство, предположу, что она не содержит ничего хорошего. Я... я боюсь это увидеть.

Это был самый простой способ выразить это словами. Когда задача состояла в том, чтобы откапывать информацию, которая могла привести к большому количеству мест для копания, его целью было приблизиться к истине, и это было прекрасно. Но создание не показывало зацепки, оно могло показать в точности то, что произошло. Оно могло переместить Ника на место событий, чтобы он всё смог увидеть. Эта мысль ослабила любопытство Ника.

— Понятно. Не потому, что это могло быть слишком ужасным, — сказал Перивинкл. — А из-за того, что это может рассказать о нём.

— Потому его образ для меня сложился из того, что о нём помнит моя мама. Я не знаю, хочу ли обменять это на то, кем он был на самом деле.

— Может быть, он был тем, кем считала его твоя мать. Она знала его лучше всех, тебе не кажется?

Ник склонил голову. Он чувствовал себя смущённым. Он недооценил свою мать? Недооценил своего отца? Не было ли проще предположить, что солдат ранварской армии занимался исполнением неприятных обязанностей и, возможно, был в этом хорош? Даже наслаждался этим. Какая разница, что там было в воспоминаниях его матери? Изменился только его собственный взгляд на человека.

— Может быть, «боюсь» — не то слово, — сказал он. — Я не хочу потерять его. «Эгоизм» может быть верным словом.

— Нет, Ник, — сказал Перивинкл, глядя на него. — Это не то слово. — Он улыбнулся и развернулся, чтобы продолжить подъём.

— Вы не одна из них, — сказал Ник, поспешив за ней, чтобы не остаться в темноте. — Вы как создание? Высший Отец тоже вас построил?

Перивинкл засмеялся голосом Библиотекарши.

— Нет. Не совсем. Но я тоже из другого мира, взятый как воспоминание. Корабль прибыл из мира создания, мёртвый и без управления, и Высший Отец дал мне возможность летать на нём. Планы по постройке создания были спрятаны внутри корабля. Я нашёл их и отдал Высшему Отцу.

— Вы знали, что это было?

— Я лишь знал, что это что-то могущественное и что оно вряд ли поддастся желаниям Высшего Отца.

Ник шёл в тишине. Возможно, в игре было больше игроков, чем он предполагал. Он не был уверен, что это значило, кроме того, что всё больше людей пытались ударить по мячу.

Когда они наконец достигли вершины лестницы, там их ждала Симоль с выражением скуки на лице. Ник посмотрел мимо неё — остальные ещё спали, в тех же позах, в каких они были.

— Так ты вернулся целым и невредимым, — сказала Симоль.

— Ты не думала, что я выживу? — спросил Ник.

— О, я знала, что ты вернёшься. Как ещё ты встретишь своего истинного противника? — Она посмотрела через плечо на лежащую на полу Диззи. — Ты что-нибудь мне принёс? Возвращаться из путешествия принято с подарками. — Она выжидательно посмотрела на него.

— Нет, прости, — сказал Ник. — Там не было магазина с сувенирами.

— Как жаль. Просто сидеть и ждать тебя было не очень захватывающе, так что я немного почитала. — Она посмотрела через плечо, где на витрине светилась большая книга.

— Ты вынула её из витрины, — сказал Перивинкл, его голос наполнил Ника тревогой. Нужно было сильно постараться, чтобы шокировать Библиотекаршу.

— Это плохо? — спросила Симоль. — Я ведь не подхватчу какую-нибудь демоническую инфекцию? — Она не выглядела обеспокоенной.

Перивинкл не ответил, он просто в ужасе посмотрел на остальные книги, также вытасщенные из витрин.

— Я думаю, — сказал Ник, — они были внутри, чтобы не дать им развалиться. Они очень старые.

— Старость делает это не просто так, — сказала Симоль. — Слишком долго околачиваться вокруг да около никому не приносит пользы. — Она кинула на Перивинкла взгляд, говорящий, что она говорила не абстрактно.

— Нашла в них что-нибудь интересное? — спросил Ник, стремясь избежать прямой конфронтации между ними.

— Отрывками. Они написаны на причудливом языке, в котором ничего не говорят двумя словами, если это же можно сказать двадцатью. Не так уж много сюжета. Правда, пальцы покалывает, когда переворачиваешь страницы. А у тебя что? Вынес там внизу что-нибудь интересное? Высший Отец дал тебе несколько советов? — Она снова использовала выжидательный взгляд.

— Эм, вроде того. Я не уверен, на самом деле. Мне дали посмотреть карту.

— О-о, карту? Как захватывающе.

— Так и есть, на самом деле, — сказал Ник. — Я смог увидеть, где все находятся — войска, драконы и всё такое.

— Ты можешь сказать, где они сейчас?

— Да. — Она быстро схватывала.

— Получается, ты указатель.

— Нет, я бы так не сказал... но вроде того. — Он думал о способах использования способности, которой он был наделён. У неё, безусловно, есть потенциал, если использовать её при правильных обстоятельствах. Но Симоль, как всегда, пробила до самой сути того, чем он был — указателем, который направляет других.

— Не унывай, — сказала Симоль, ухмыляясь. — Всем приятно видеть указатель. Чем чаще люди теряются, тем больше ему радуются. Вот будь ты чуточку повыше, людям было бы проще тебя заметить.

— Спасибо, — сказал Ник, не определившись, была ли она чрезвычайно жестокой или умеренно доброй. — Полагаю, мы должны всех разбудить. Что мы им скажем?

— Не нужно им ничего говорить, — сказал Перивинкл. — Но нам лучше положить эти книги обратно на место.

— Давай, — сказала Симоль. — Я всё равно с ними закончила.

Ник почувствовал кратковременное намерение Библиотекарши что-то сказать, поставить Симоль на место. Ник посоветовал бы этого не делать, его указатель определённо указывал бы в противоположном направлении. Но в его совете не нуждались или хотя бы спрашивали его. Библиотекарша, то есть Перивинкл, достал перчатки и начал укладывать книги обратно в витрины, держа их на расстоянии вытянутой руки, как будто они могли укусить.

— Думаю, ты не должна была дотрагиваться до них голыми руками, — сказал Ник Симоль. — Они могли что-нибудь с тобой сделать.

Симоль покачала головой.

— Я буду в порядке. Ты просто беспокоишься о том, что тебе делать дальше. Что бы это ни было, я уверена, что всё будет хорошо. Очень важно стараться изо всех сил. А если ты потерпишь неудачу и всё полетит к чертям из-за того, что ты не справился со своей работой, я буду рада прибрататься за тобой.

Было трудно не испытать раздражение из-за её высокомерного тона и полного пренебрежения его ролью. Как будто она сделала одолжение, позволив ему действовать, прежде чем она возьмёт верх и покажет ему, как нужно делать на самом деле. От факта, что её отношение было полностью оправданным, легче не становилось.

Симоль разразилась смехом.

— Не криви так лицо, я просто дразню тебя. С тобой так просто, я не знаю, почему я вообще беспокоюсь. Слушай, я знаю, что они будут готовы ко мне, но к тебе они готовы не будут. Это твоё секретное оружие.

— Отсутствие у меня знания о том, что я вообще делаю.

— Именно. А также то, что я на твоей стороне. Они думают, что я помогу тебе.

— Ты не сможешь?

— Не так, как они думают. Честно говоря, меня не волнует ни одна из их ссор. Демоны, драконы и маги — они напоминают малышей в детском саду, дерущихся за игрушки. Все они могут взорвать друг друга гигантскими огненными шарами, если захотят. То, что люди умирают, на самом деле не так страшно, это случается постоянно. Было бы плохо, если бы ты вспомнил об этом потом, но ты не вспомнишь. Смерть очень разумна в этом смысле. Они ожидают, что я приду к ним в лоб, как меня учили, но это будет твоя работа.

Это был первый раз, когда ему сказали, в чём его работа, и он чувствовал, что он всё равно пребывает в неведении.

— А какой будет твоя работа?

— Стоять за спиной и смотреть. Есть только один способ, которым люди побеждают в таких делах. Они обманывают. Победители всегда ведут себя так, как будто они верят в правила, а затем сами же никогда им не следуют. Мой отец в том числе. Так и выигрывают — убеждают всех остальных завести себя в тупик. Я знаю все их трюки, потому что я одна из них. Плюс, я

прочитала все эти книги. Они содержат историю Королевского колледжа и как маги заключили договор с Высшим Отцом. Довольно интересно, как только осилишь пустую болтовню.

— Ты сказала, что они были скучными и трудными для чтения, — сказал Ник, чувствуя, что его обманули.

— Так и есть. Но я к этому привыкла, и всё благодаря тебе. — Она снова улыбнулась и хлопнула его по спине. — Спасибо, что указал мне верное направление.

— Готово, — сказал Перивинкл, снимая перчатки. — Мы можем разбудить их.

Ник хотел остановить его и прочитать эти книги сам. Если они действительно содержали историю Королевского колледжа, он мог найти что-нибудь, что мог бы использовать. Исторические книги, к которым он привык, имели сомнительную ценность, поскольку не только твои собственные ученики узнают, каким образом ты добился успеха. Они дают твоим врагам возможность изучить твои методы. Книги о завоеваниях Ранвара на удивление откровенно рассказывали о могуществе магов и арканума. Но они очень редко упоминали о драконах, кроме их церемониальных полётов во время парадов победы и коронаций.

Ник подозревал, что драконы, сосуды для передачи демонов людям, были гораздо более неотъемлемой частью битвы, и их участие преуменьшали, чтобы не предупреждать будущих врагов об угрозе с их стороны.

Если книги в этой комнате содержат более точную историю, они могут раскрыть такие истины и позволить Нику увидеть другие доступные варианты. Приближалась война, в чём он был уверен, и драконы в этот раз участвовать в ней не будут.

— Я попрошу тебя не говорить остальным о том, что здесь произошло, — сказал Перивинкл Симоль.

— Я попрошу тебя вспомнить, что я дала тебе этот шанс, — сказала Симоль холодным, но в то же время дружелюбным тоном. — Я не знаю, какие договорённости ты с ними заключила, но если ты из тех рабов, которые влюблены в своего хозяина, сочувствия от меня ты не получишь. Если в итоге ты предашь нас, я разберусь с тобой лично.

Перивинкл выглядел не сильно взволнованным, но, возможно, несколько обеспокоенным угрозой. В конце концов, возможно, Симоль станет тем человеком, который всё уладит, и он обманывал себя, думая, что его роль имеет значение. Она дала ему возможность сделать что-то самостоятельно, но если в этом не было нужды, зачем беспокоиться?

Остальные резко проснулись. Они поднялись на ноги, выпрямились и огляделись, немного ошеломлённые. Ник был уверен, что им захочется узнать, что случилось, почему они лежали на витринах или полу. Но после нескольких секунд моргания они продолжили изучать книги в

витринах, даже Диззи.

Ещё через несколько минут Перивинкл объявил, что им пора уходить, и все без суеты подчинились.

Диззи остановила Ника, когда тот последовал за остальными.

— Что произошло?

— О чём ты? — спросил Ник.

— Ты ведёшь себя странно. — Она не могла вспомнить, что с ней случилось, но он мог, и она видела это или какие-то признаки этого в нём.

— Дело в этом месте, — сказал Ник. — Оно не то, чем кажется. Высший Отец поместил здесь создание. Я говорил с ним в моей голове. Это дало мне новый взгляд на вещи.

Её глаза сузились, пока она обдумывала его ответ. Он решил дать ей версию правды; он не думал, что ему удастся отвертеться, сказав ей в лицо ложь. Ему нужно будет поработать над этим.

— Ты помогаешь ему, так ведь? — спросила Диззи Симоль, но это едва ли можно было назвать вопросом.

Симоль улыбнулась.

— Ревнуешь?

— Нет, — сказала Диззи. — Разочарована. Ты слишком мягка с ним. Он должен быть готов сделать это самостоятельно, а не ждать, что ты поймаешь его, когда он упадёт. — Она развернулась и последовала за остальными.

Диззи не разговаривала с ним по дороге домой. Она сидела напротив него и весь путь смотрела на него. Ник не возражал. На самом деле он счёл это довольно приятным.

Они вернулись в школу без каких-либо происшествий, быстрый экипаж доставил их домой до наступления темноты. Мистер Перивинкл коротко рассказал о том, что они видели, и о том, как он показал им, что такое Королевский колледж. Он не упомянул никаких подробностей, и никто их не спрашивал. У всех, похоже, были воспоминания о том, что они видели то, о чём он говорил.

Ник вернулся с Бриллом в коттедж, а затем пошёл ужинать с остальными. Их беседа была такой же, как и раньше, с шутками и взаимными поддразниваниями. Ник не чувствовал никаких изменений, его вновь приобретённая сила не проявляла себя.

Только когда он остался один в своей комнате — действительно один, на этот раз — он смог погрузиться в глубины своего разума и увидеть мир с точки зрения птицы. Он смотрел на него ночью, большие полосы скрывались в темноте, мерцающие огни в одиночку и группами показывали ему, где собрались люди.

Земля под ним появилась так же, как в Либрариуме. Крошечная, идеальная копия, которую он мог изучать на досуге, с любой точки зрения, которую пожелал. У него был соблазн шпионить за Диззи, но делать это было бы неуместно, особенно так поздно. Поймать её раздетой или в ванне... не то чтобы ему не нравилась эта мысль, но его останавливала другая мысль о том, что она почувствует, если узнает. Он не хотел нарочно разочаровывать её.

Он просмотрел весь мир, не ища ничего конкретного. Ему было трудно перестать смотреть на мир, на то, как он просто существует. Как ему использовать эту силу? Что создание ждало от него?

Он ушёл далеко за пределы стран, граничащих с Ранваром, и обнаружил странные пейзажи, пустыни и горы, которые он не узнавал, и океаны, которые казались безбрежными. Чем дальше он забирался, тем менее важными казались беды нескольких небольших стран. Правда ли было настолько важно то, что Высший Отец возьмёт под свой контроль этот маленький уголок огромного мира?

Здесь можно было многое подчерпнуть, многому научиться. Это было очень увлекательно, и он мог продолжать всю ночь. Он вернулся к отправной точке, зависнув над школой.

— Покажи мне всех агентов Секретной службы, — сказал он. Крошечные точки света появились под ним. Местонахождение каждого агента было раскрыто. Он видел две точки, приближающихся к окну его комнаты, он даже мог видеть, какого они цвета.

Ник поднялся с постели и переоделся. К тому времени, как они появились в его комнате, он был в спортивной одежде.

— Ты выглядишь так, словно ожидал нашего прихода, — сказал Белый.

— Я пытаюсь быть более инициативным. Я поставил себе несколько целей.

— И какие же у тебя цели? — спросил Чёрный.

Это был тот ещё вопрос, да?

— Ну, — сказал Ник. — Я хотел бы уметь подниматься по восемнадцати лестничным пролётам, по сорок две ступени в каждом, не сбив дыхания.

— Это странно специфично, — сказал Белый. — Но достижимо.

Раз Ник пока не мог определиться с более крупными целями в своей жизни, он может хотя бы выбрать цели поменьше.

Глава 23

Следующие несколько недель Ник тренировался с агентами Секретной службы, вставая за несколько часов до рассвета. Он ожидал, что будет измотан и неспособен лучшим образом работать на уроках, но эффект был прямо противоположный.

Его тело сильно страдало, болело в тех местах, где он никогда раньше не испытывал боли, но его разум казался чистым и свежим. Он не знал, было ли дело в режиме упражнений и разминании мышц агентом в чёрной маске, но он замечал разницу после каждого занятия. Он мог думать самостоятельно. Тот факт, что его разум снова принадлежал ему и никаких постояльцев в нём больше не было, также могло сыграть свою роль.

Отношение агентов к нему изменилось, когда он начал прогрессировать. Он не смог выполнить ни одну из поставленных перед ним задач, но они, похоже, оценили его усилия.

Он ценил усилия, которые они прикладывали для того, чтобы заставить его продолжать, какими бы ужасными ни были его первые результаты. У Ника никогда не было отца, который научил бы его тому, как поддерживать свою физическую форму. Он не был стопроцентно уверен, что отец делал бы именно это, но он чувствовал, что это бы помогло. Теперь им занимались два человека, которые очень заботились о том, чтобы привести его в мужественный вид.

Нельзя сказать, что хорошая физическая форма была достаточным условием для того, чтобы считаться мужчиной, но она помогла Нику чувствовать себя более уверенным в собственном будущем.

Было понятно, что все эти пробежки и прыжки не помогут ему, если он пойдёт против Высшего Отца или Архимага, но это представлялось менее ужасающим, когда он мог пробежать вверх и вниз по лестнице в коттедже, не сбив дыхание.

— Тебе нужно научиться защищаться, — сказал Чёрный, который, похоже, считал, что всё

обернётся не очень хорошо, если ситуация потребует вступить в бой. — Первым, что тебе всегда должно приходить в голову, — это убежать как можно дальше от проблемы.

— Бежать сломя голову, — сказал Белый.

Теперь Ник мог довольно легко распознать этих двух агентов. Он не думал, что это была другая пара агентов в таких же масках, как он думал, когда впервые с ними столкнулся. Благодаря проведённому с ними времени, — даже если оно было жестоко растянуто и скручено, — он легко узнавал их голоса и их поведение. Даже их маски, казалось, принимали выражения, которые отражали их личный характер и отношение.

— Вряд ли у меня будет возможность, — сказал Ник. — Когда я раньше попадал в беду, обычно против меня принимали меры предосторожности, чтобы я оказался в ловушке.

— В этом случае, — сказал Чёрный, — тебе нужно использовать нетрадиционные методы, чтобы взять верх. Ты маленький и слабый.

— И медленный, — добавил Белый.

— Целься в глаза и в пах, — сказал Чёрный.

— Я должен драться грязно? — Ник не был против этой идеи в принципе, но он не был уверен, что это обязательно обернётся ему в пользу. Если его поймают после удара в пах, с ним, скорее всего, обойдутся намного хуже, чем если бы он просто сдался. Идеальным результатом, конечно, было не попадаться, но его послушной список в этом отношении выдающимся не назвать.

— Не бывает грязных боёв, — сказал Белый. — Есть только выживание. Каким образом ты этого добьёшься, никогда не подчинялось никаким правилам или законам. Ты не получишь предупреждение за ненадлежащее поведение, если будешь мёртв.

— Глаза и пах, — сказал Ник, уже чувствуя себя неудобно. — Что, если мне придётся драться с женщиной?

Конечно, ему могло и показаться, но две пустые маски посмотрели на него осуждающе.

Агенты показали ему серию движений, в которых требовалось использовать колени и локти. Ему рекомендовали отрастить ногти и ослабить чувство неправильности. Это были чрезвычайные меры, и в чрезвычайной ситуации нужно быть готовым отбросить хорошие манеры.

— Единственный непростительный грех в бою — замереть, — сказал Чёрный. — Будь то сражение на войне или драка в таверне, если ты действуешь без оговорок, то даже

неправильные вещи могут работать в твою пользу. Бездействие только убьёт тебя.

Стало легче, так как жёсткость тела и боль суставов по утрам уменьшались. Ему по-прежнему надо было ходить на занятия, — курс Искусств, углубленный экономический анализ и военная стратегия, — а сверх этого была карта мира, которая теперь всегда была с ним, куда бы он ни шёл.

Ник мог погрузиться в свой разум и часами парить над миром, наблюдая, как течёт жизнь, не ведая о приближающейся угрозе. Может быть, её и не было, не для всего населения в целом. И, конечно же, не для тех, кто жил за сотни километров отсюда.

Иногда он замечал корабль в море и следовал за ним, покачивающимся на волнах. Это было удивительно успокаивающе, хотя порой ему требовалась пара секунд, чтобы осознать, что то, что казалось ему крошечными волнами, поднималось выше мачт корабля и, вероятно, было не очень радостным испытанием для команды.

Ник так и не нашёл подходящего применения для этого всемирного всезнания. Если бы он рассказал кому-нибудь о нём, он не сомневался, что ему быстро найдут хорошее применение, но у него не было желания стать ресурсом, который другие могли бы использовать по собственному усмотрению.

Он ложился в кровать и засыпал, наблюдая за лежащим под ним миром и размышляя о том, что ему делать с недавно обретённым богатством знаний. Он мог увидеть всё, что пожелает, пока будет знать, как это называется. Такое серьёзное преимущество, как возможность видеть, где прячутся его враги, работало только тогда, когда он знает, кем именно были его враги.

Он мог попросить показать расположение гвюрианских войск, но как провести различие между силами, лояльными правительству, и силами повстанцев? Технически все они были жителями Гвюра.

И даже те, кто заявлял о своей приверженности одной из сторон, могли говорить неправду. Что тогда покажет ему сила: то, кем являются люди, или то, кем они себя называли? Как она покажет разницу?

Ник пробовал разные подходы, чтобы понять, как она работает, прося об одном и том же разными способами, чтобы сравнить результат. Это было обучение с целым миром как с учебником.

Он делал заметки и рисовал графики. Он создал целую систему, чтобы попытаться определить общие факторы, когда дело дошло до выбора конкретной цели, начав от просмотра целого вида животного и закончив конкретной особью, принадлежащей его соседу. Как оказалось, в мире было полным-полно ослов.

Способность карты показывать ему огромное количество подсвеченных точек поражала. Из-за

его точки обзора можно было растеряться — с чего бы ему начать? — но, когда он приближался, каждая отдельная точка была именно тем, что он просил показать.

Не всё было так просто. Некоторые команды, которые он считал очевидными, ничего не показывали. Часто было трудно понять, в чём проблема или какие нюансы нужно учесть, чтобы получить желаемое. Команда «честные люди» ничего ему не показала. «Люди, которым можно доверять больше половины времени», создали столько точек, что он не мог даже оценить их количество.

Обычно он засыпал, чтобы быть спозаранку разбуженным приходом своих инструкторов по фитнесу, но порой он забывался и так погружался в мир, как никогда с ним не бывало в реальном теле. Когда он проводил за просмотром карты слишком много времени, его голову поражала острая боль.

После перерыва она всегда стихала, но это его беспокоило. Эта штука как-то вредит ему? Он был почти уверен, что её не делали такой, чтобы она помещалась в разум вроде его. Что если однажды боль не пройдёт?

Тренировки с агентами были тем, что помогли ему преодолеть страх. Он чувствовал себя сильнее и лучше. У него не было доказательств, что это защитит его от взрыва головы из-за новоприобретённого дара, но навредить это точно не могло.

Он спросил об этом Библиотекаршу. Она была единственной, кто знал о силе и чьи знания о ней превосходили его.

— Не о чем беспокоиться, — сказал мистер Перивинкл после занятий. — Твой молодой мозг ещё мягок и податлив. Будь ты постарше, это могло бы быть поводом для беспокойства — небольшая атрофия, которую следует опасаться.

— Атрофия? — переспросил Ник, не обрадованный тому, как звучит это слово.

— Поверхность мозга, внешняя мембрана, может сжаться и образовать корку, оставляя меньшее количество вещества для продолжения обычных умственных функций. Но даже в этом случае ты сможешь выполнять основные задачи.

Ник пожалел, что спросил.

В течение этого времени Диззи держалась на расстоянии, но Ник знал, что она наблюдает за ним. Было приятно думать, что она, возможно, восхищается изменениями в его теле, но всякий раз, когда он ловил её взгляд, выражение её лица не говорило о восхищении. Только о холодной, высокомерной оценке.

Когда она наконец заговорила с ним, она сказала:

— Я заметила изменения в твоём теле.

— Правда? — спросил Ник, его голос застрял в горле. Они были в библиотеке вместе со всеми остальными, Симоль стояла рядом с Диззи как заинтересованный и ухмыляющийся наблюдатель.

— Ты стал сильнее, — сказала она. — И двигаешь намного лучше. Думаю, ты бы преуспел в школьной легкоатлетической команде.

Он был бы рад, но её тон не был поздравительным. Он был более аналитическим, как будто она оценивала здоровье коровы, чтобы получить лучшее представление о качестве молока и предполагаемом состоянии мяса после забоя.

— Спасибо, — сказал Ник.

— Я хочу сразиться с тобой.

— Прости, что?

— Ты против меня, без оружия, чтобы посмотреть, как далеко ты продвинулся. Это будет для тебя хорошим тестом. Если ты сможешь прижать меня к земле, думаю, мы с уверенностью сможем сказать, что ты готов.

Ник чувствовал, как нагревается его лицо. У него заболела голова, а он даже не думал о карте.

— Что ты пытаешься сделать с бедным мальчиком? — спросила Симоль, очень весёлая. — Одной мысли о том, чтобы прижать тебя к земле, наверное, будет достаточно, чтобы ввести его в кому.

— Не будь такой отвратительной, — сказала Диззи. — У него нет шансов на победу.

— Не сказал бы, что их нет, — сказал Ник, стараясь спасти то, что осталось от его гордости. — Я просто не думаю, что прямо сейчас готов с кем-либо драться.

— Почему нет? — спросила Диззи. — Это будет тебе полезно, плюс поможет мне определить твой прогресс.

— Конечно, то есть, я уверен, что будет. Но у меня нет правильных методов против девушек, то есть женщин, то есть людей без паха.

Лицо Диззи помрачнело.

— Ты не хочешь бить девушку?

Ник не смог определить по её тону, хорошо или плохо она об этом думала, но он продолжил:

— Нет, я хочу, то есть, если бы мне пришлось, а не вообще говоря, — сказал Ник, отчаянно пытаясь не дать голосу стать пронзительным. — Это не имеет никакого отношения к тому, что ты девушка. Симоль девушка, и она легко может убить меня.

— Правильно, — сказала Симоль. — Я даже подумала о паре интересных способов сделать это.

— А я не смогу тебя убить? — По тому, как Диззи смотрела на него, было件нятно, что отвечать на этот вопрос не было необходимости.

— Я не хочу ни с кем драться, — сказал Ник. — Но если захочу, я обращусь к тебе в первую очередь.

Диззи продолжала сверлить его взглядом, пока Ник не почувствовал себя очень неуютно. Затем она развернулась и ушла.

Симоль вздохнула.

— На будущее: когда девушка просит тебя побороться с ней, это значит, что ты ей нравишься.
— Она ушла, качая головой.

— Или же она ищет оправдание, чтобы как следует отпинать тебя, — сказал Даво.

— Хм-м-м, я голосую за ответ Б, — сказал Фанни, что-то жуя и облизывая кончики пальцев.

— Ты знаешь, что в библиотеке нельзя есть? — сказал Даво.

Фанни сглотнул.

— Я не ем.

— Знаешь, она права, — сказал Даво, — ты изменился.

— К лучшему? — спросил Ник, надеясь на более благоприятное мнение от парней, а не на беспощадную критику, которую он ожидал от Диззи.

— Если тебе это нравится, — сказал Даво, что не было ни тем, ни другим.

— Я думаю, ты выглядишь намного жёстче, — сказал Фанни. — Более мужественно. Ты напоминаешь мне мою сестру.

— Спасибо, — сказал Ник, немного разочарованный.

— Что? — сказал Фанни. — Это комплимент. Она драгун, ты не можешь стать жёстче их.

— От зверей радостных вестей так и нет? — спросил Брилл.

Новости о бедственном положении драконов начали распространяться. Если в школе знали об этом, то было более чем вероятно, что враги Ранвара тоже были в курсе.

— Нет, — сказал Фанни. — Она говорит, что они просто лежат и выглядят подавленными. Они даже не едят.

— А что они едят? — спросил Брилл.

— Рыбу, в основном. И они любят овощи. Картофель, в особенности.

— Ты это придумываешь? — спросил Даво.

— Нет, — сказал Фанни, защищаясь. — Она рассказывала об этом в письме. Может быть, это дезинформация, чтобы запутать наших врагов. Она знает, что я не могу держать рот на замке.

— Армия без драконов, — сказал Брилл, бормоча. — Никогда бы не подумал, что на нашем веку настанет такой день. Интересно, что с ними не так?

Ник мог что-нибудь рассказать о драконах, но это ничего не прояснит. Он задумчиво огляделся на случай, если Диззи решит сделать приглашение на бой делом недобровольным. Подкрадываться к нему и устраивать безжалостное нападение из засады — вот что она обычно делала с ним, когда они были детьми. Он задался вопросом, сможет ли он прижать её сейчас. Эта мысль снова заставила его лицо нагреться.

— Кстати, где твой брат, Брилл? — спросил Ник, чтобы отвлечься. — Не видел его в последнее время.

Атмосфера стала явно неловкой.

— У меня нет брата. Я единственный ребёнок.

Все смотрели на него, как будто у него что-то было на лице.

— Хм? Ой, извини. Не знаю, что на меня нашло. — Ник извиняюще улыбнулся и получил несколько слегка обеспокоенных взглядов, но не более того.

Легко ли было демону проникнуть в человеческую жизнь и затем исчезнуть, не оставив даже воспоминаний? Если они были настолько могущественны, зачем заморачиваться с уловками и интригами? Он до сих пор не мог понять их истинных намерений. Единственное, в чём он был уверен, — это то, что Высший Отец не был с ним правдив. Что бы ему на самом деле ни было нужно, это не было просто наблюдение за людьми во время игры.

Ему было интересно, где сейчас был демон, который маскировался под Хьюта. После возвращения из Либрариума он не обращал на это особого внимания, потому что казалось, что его ненадолго оставят в покое. Но теперь ему было любопытно узнать, где он, и у него как раз был идеальный способ выяснить это.

Ник отложил ручку и закрыл глаза. Он позволил своему разуму опустошиться, и он увидел мир под собой. Он слегка покачнулся, но остался на своём стуле — он мог почти обнаружить его присутствие под ним, хотя видел только поля и лес с высоты.

Он сосредоточился на школе и почувствовал приступ боли в виске. Ему до сих пор было больно приближаться к тому месту, где он сейчас находился. Чем ближе он подходил, чем больнее было. Он хотел бы найти способ обойти эту проблему, поскольку возможность наблюдать за его непосредственным окружением была полезна, особенно когда речь шла об избежании любых неожиданных атак Диззи.

Проблема с поиском демона заключалась в знании того, как его назвать. Он уже пытался получить на карте расположение всех демонов и ничего не получил. Когда он попытался сосредоточиться на Высшем Отце, снова ничего, даже с предположением, что он может быть в Либрариуме, где Ник говорил с ним. Возможно, его там больше не было. Или, может быть, он мог каким-то образом избежать обнаружения.

Демон-Хьют также мог оказаться способен на такое или быть сейчас в новом теле. До Хьюта он был профессором Веристотелем, а до этого — девушкой по имени Джуния. Он мог быть кем угодно.

Но Ник провёл с демоном много времени, когда тот жил в его голове. Пусть настоящее имя ему неизвестно, но связь между ними может привести его к его нынешнему местонахождению, он был совершенно в этом уверен. Он верил в это потому, что в те времена, когда он лениво изучал карту, его мысли иногда обращались к Диззи, и его тянуло в её спальню в общежитии, хотя он не называл её имени. Только внезапная боль от приближения к самому себе останавливала его до того, как он успевал добраться к ней.

Это было непреднамеренно, хотя и заманчиво, но это предполагало использование карты способом, выходящим за пределы сознательного обучения. Он мог подумать, как обойти это.

Ник сосредоточил своё внимание на демоне, на его присутствии, каким он знал его — голосе в

его голове. Какую бы форму он сейчас ни принял, суть была той же самой. Где он сейчас был?

Если бы его мысли обратились к школе, это вызвало бы у него приступ боли, но это подтвердило бы, что демон где-то рядом. Но его направило не в школу. С высоты он бросился к столице, к Королевскому колледжу.

Он не хотел двигаться так быстро, но связь между ними была сильной, и карта точно знала, кого он хочет видеть.

Спуск к башням, через одно из окон, в комнату с богато украшенной мебелью и великолепными картинами на стенах. И Хьют, по-прежнему маленький мальчик, разговаривает с Архимагом.

Ник не слышал, о чём они говорят в другом конце длинной комнаты, но он мог просто подплыть ближе, как подслушивающий призрак. Но когда он приблизился, Архимаг посмотрел вверх, с замешательством уставившись прямо на него.

Ник, испуганный, открыл глаза. Архимаг действительно видел его или просто почувствовал его присутствие? В любом случае, ему стоит быть осторожнее. Демоны и маги были не лучшими целями для этой силы, если они могли чувствовать его наблюдение.

В любом случае он знал, где сейчас находится демон. Что означает разговор демона и Архимага? Они работают вместе?

— Ты в порядке? — спросил Даво. — Ты белый как простыня. Не как одна из простыней Фанни, конечно же. Они далеко не белые. Скорее пятнисто-серые.

— Я стираю простыни так же часто, как и ты, — сказал Фанни.

— Дело в количестве нитей, — сказал Даво. — Все, у которых меньше четырёхсот, — строго для дикарей.

— Вряд ли дикари беспокоятся о мягкости своего белья, — сказал Брилл.

— О чём я и говорю, — сказал Даво. — В любом случае, ты не чувствуешь слабость или что-то в этом роде, Ник? Вся это беготня может сделать твою кровь немного жидкой, если не быть осторожным.

— Верно, — сказал Брилл. — Из-за этого начинаешь бредить и воображать, что у людей есть братья и сёстры, которых на самом деле не существует.

— Я в порядке, я просто задумался о чём-то своём и сам себя напугал.

— Это она, так ведь? — сказал Фанни. — Бьюсь об заклад, она нападает на тебя даже во сне.

Двое других кивнули, как будто это было наиболее приемлемым объяснением, его собственное воображение слишком педантично, чтобы как-то помочь ему. К сожалению, они не ошиблись.

— Ты должен принять её вызов, — сказал Фанни. — Если ты сможешь победить её в честной борьбе, она будет уважать тебя.

— Прирождённый романтик, — сказал Даво.

— Но она будет, разве нет? — настаивал Фанни. — Она такого типажа. Победи и умри, пытайся.

— Ты, наверное, имел в виду «победи или умри, пытайся», — сказал Даво.

— Разве? — сказал Фанни, глядя вверх и вправо, как будто ответ может скрываться там. — Не уверен, что я это хотел сказать.

Следующим уроком Ника была военная стратегия с мистером Варити. Этого урока он ждал с нетерпением. Он счёл полезным сравнить расположение различных армий вокруг границ Ранвара с обычными причинами такого развёртывания, описанными на уроке. Иногда он задавал вопросы, чтобы разобраться, что происходит в реальном мире.

— Ключ к успешной революции, — говорил мистер Варити в ответ на один из таких вопросов, — это лидер восстания. Правильный мужчина или женщина может решить исход дела. Конечно, их истинная цель редко состоит в том, чтобы освободить свой народ от тирании, спасти от преследований или что-то в этом духе, а именно в том, чтобы поставить народ в такое положение.

Поднялась рука в переполненном кабинете, этот курс был самым посещаемым из тех трёх, на которых присутствовал Ник.

— Если люди знают это, — спросил Куин, который поднял руку, — почему они всё равно ведутся на это?

— Ах, да, извечный вопрос, — сказал мистер Варити. — Сложно сказать, но я думаю, что не так легко увидеть это в тот самый момент, когда ситуация отчаянная, а любой шанс на победу кажется приемлемым. Впоследствии, если оглянуться назад и выяснить истинный характер лидера де-факто, всё это кажется очевидным.

— Но каждый раз? — спросил Куин. — Не может же быть так сложно обнаружить обманщика.

— Я думаю, вы обнаружите, что люди не тратят много времени на размышления, они спешат с

суждениями, пока могут. Быстро реализуемая посредственная стратегия всегда предпочтительнее идеального подхода, применённая слишком поздно.

Эта точка зрения была похожа на то, что агенты Секретной службы втолковывали Нику. Бездействие гарантированно ведёт к провалу. По крайней мере, если ты попытаешься хоть что-то сделать, у тебя будет шанс.

Нику не очень нравилось такое мышление. Он предпочёл бы иметь чёткое представление о том, что он пытался сделать, а затем придумать то, что он считал лучшим решением. Ломиться вперёд без оценки ситуации казалось очень слабой тактикой. Удача может доказать, что ты прав, но она была всем, от чего ты зависел.

Что Ника заинтересовало, так это кто был ответственным за это восстание? Всё началось в Гвюре, с демона в сердце первоначального восстания — культа ревностных помощников, выполняющих его приказы. Кто руководил ими сейчас? И чего они на самом деле хотели? Разрушения Ранвара? Становления новой империи демонов?

Инстинкт Ника говорил ему защищать свою родину, несмотря на то, что он знал, каким местом она была и какие преступления она совершила против своих соседей. Ещё одна вещь, которая часто требовалась для успешного восстания, — это участие иностранных сил, подстрекающих недовольство населения. Этим подходом часто пользовался Ранвар, тихо подстраховываясь, что их новые соседи будут более готовы к сотрудничеству, чем старые.

— Шаблон часто виден только после события, — сказал мистер Варити. — То же самое относится и к людям.

Ник согласился. Создание назвало их высокофункциональными социопатами. Люди, готовые сделать всё, что угодно, чтобы получить желаемое. На тот момент это может выглядеть как страсть и убеждения. Риск, на который никто не осмелится пойти, легко может быть интерпретирован как храбрость. Требуются крепкие нервы, чтобы отправить других на смерть. За исключением, конечно, когда это не так.

Нику было интересно узнать, кто на самом деле отвечает за восстание Гвюра. Он мог и не быть тираном, как он подозревал. В истории иногда отмечался настоящий герой, который боролся за справедливость и праведность. Обычно его ждала смерть вскоре после того, как он сверг прежний коррумпированный режим, как раз к началу следующего.

Мог ли он просто попросить показать нынешнего лидера гвюрианских повстанцев? По результатам его испытаний, чем больше он был знаком с человеком, тем легче было его найти. Ему не нужно было знать его лично. В качестве подопытного он использовал принца Ранада, человека, о котором много знал, но никогда не встречал. Ему показали большой обеденный зал во дворце, где принц печально смотрел на тарелку с салатом.

Ник подождал, пока он не вернётся в свою комнату, прежде чем пытаться. Он не хотел снова вести себя странно перед другими. Он закрыл глаза и сосредоточился на лидере

мятежников. Это была скорее концепция, чем личность, но это была очень конкретная концепция.

Его главным подозреваемым был демон, но его видение направилось не к столице. Вместо этого оно сфокусировалось на школе.

Смотреть было больно, но он хотел знать. У него была причудливая мысль, что это Диззи. Симоль часто шутила, что она его истинный противник, человек, которого он должен победить — что, если она была права?

Но он отправился не в женское общежитие, а в дом, в котором он сейчас был.

Боль стала почти невыносимой, но он продвигался дальше. Мог ли это быть один из его друзей? Они были частью какого-то заговора против него? Ему совершенно не нравилась эта мысль, и от агонии, разрывающей разум, легче не становилось. Может быть, именно так и ощущалась атрофия. Он проигнорировал это. Он должен знать.

Зрение было размыто, и он чувствовал тошноту. Он прошёл через окно и увидел себя.

Это не имело смысла. В комнате не было никого, кроме него.

<http://tl.rulate.ru/book/4550/595005>